

ГРЕЧЕСКИЙ СУХУМСКИЙ ВЪСТНИКЪ

#166

Ведущий рубрики: Георгиос Григориадис
исследователь-сухумовед, e-mail: elsuhum@yahoo.com



Продолжение...

ВТОРОЙ ГЕНОЦИД

Тяжело вспоминать и писать об этом горьком времени. Когда человек виновен, наказание переносится легче. Когда жестоко наказывается невинный — это больно и обидно. Закончилась самая страшная война. Фашизм был побежден. В этой многолетней борьбе вместе со всеми народами Советского Союза защищали свою Родину и греки. Много их павших на полях сражений или вернувшихся домой инвалидами. Многие греки за героизм, проявленный во время войны, награждены медалями и орденами Советского Союза, Польши, Чехословакии, Венгрии. Сухумчане гордились своими героями. Кто не знает под псевдонимом Чуфтелов Константин Илиаса Папандопуло? О легендарном разведчике, грудь которого украшена многочисленными орденами — полковнике Фисатиди В.Д. — написана книга. Не обошла война стороной и нашу семью — не вернулись домой зять и два брата. Во время военного переворота в Греции, в Советском Союзе был организован комитет солидарности с греческими демократами. Возглавлял этот комитет Сергей Сергеевич Смирнов. Я был у него помощником по Абхазии. В одном из бюллетеней, который до сих пор храню, написано: «Ни один грек не согласился воевать против Советского Союза на стороне фашистов. Ни один грек не был осужден военным трибуналом за дезертирство и измену Родине». Таким образом, хочу сказать, что не было никакой причины, спустя четыре года после окончания войны, высылать трудолюбивый народ, который принимал активное участие в восстановлении послевоенной разрухи и экономики.

После выселения греков, как писали местные газеты, в экономике Абхазии и Грузии наступил резкий спад. Месяц высылки — июнь. Месяц, когда надо было убирать урожай. С 13 на 14 июня 1949 года вооруженные представители внутренних органов постучали в двери греческих домов. К нам пришли офицер и два солдата. Поставили нас в угол. Стали обыскивать дом, хранили мы оружие. Оружие, конечно, не нашли. А затем зачитали постановление, что, согласно решению правительства и Комитета Государственной безопасности нас выселяют в отдаленные районы Советского Союза. На наш естественный вопрос: «За что?», ответа не было. Ночной Сухуми стал

неузнаваемым. Шум грузовиков, собачий лай, крики, плач детей и женщин. У каждого греческого дома стояла грузовая машина, увозившая неизвестно куда и зачем растерянных, непонимающих причины такого зверства людей. После гибели зятя в боях за Родину, когда смерть не спрашивает какой ты национальности, сестра с маленькими детьми перешла жить к нам. Она тоже была в списке на выселение. Я обратился к офицеру и сказал: «Фашисты убили отца этих сироток, а теперь Советская власть, за которую он пал смертью храбрых, защищая свою Родину, должна выселить и уничтожить его семью?!» После предъявления извещения о гибели зятя на фронте, офицер взял на себя ответственность и оставил их. В течение двух часов мы должны были собрать вещи и уложить их в мягкую упаковку. А право имели только на необходимую одежду и постельные принадлежности. Для параллели приведу тот факт: когда в начале войны 1941 года



Уважаемый читатель, в 2020 году исполнилось 100 лет со дня рождения замечательного сухумчанина Полихрона Петровича Бумбуриды (1920–2013).

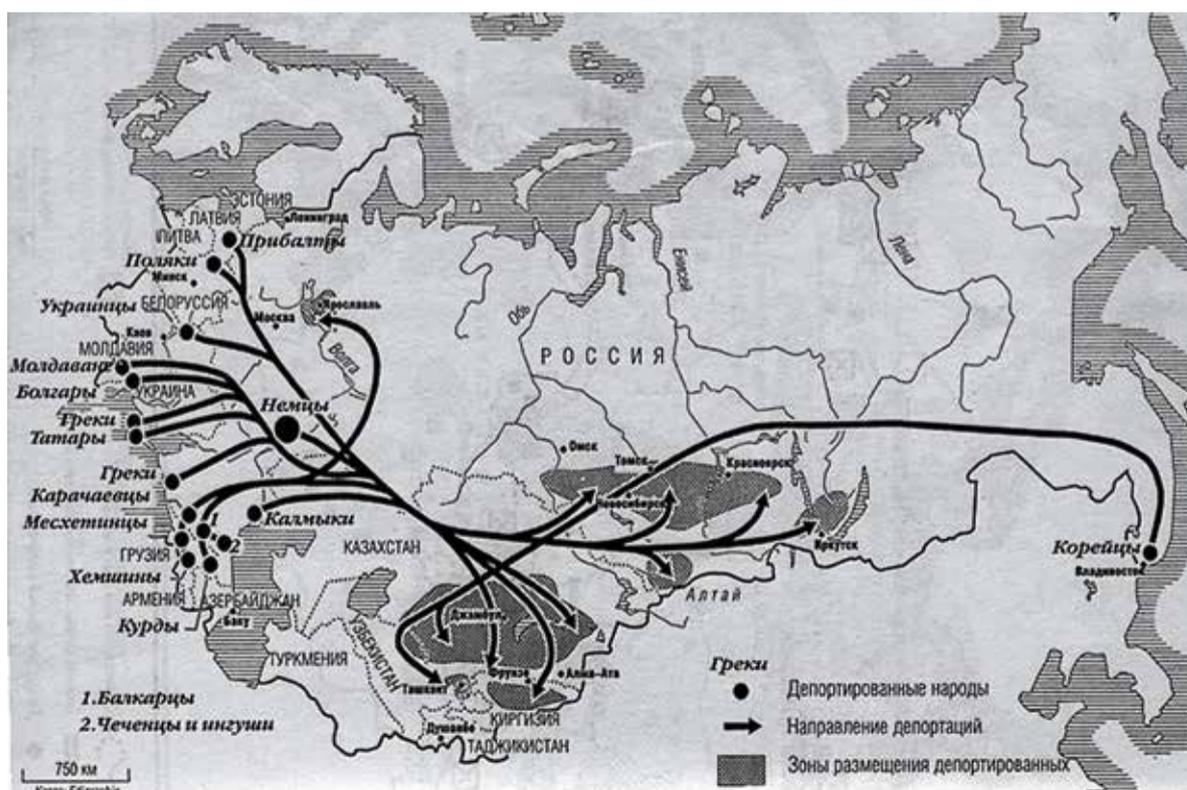
Предлагаем вашему вниманию страницы его книги, изданной в Афинах в 2006 году.

ИСТОРИЯ «МАЛЕНЬКОЙ ГРЕЦИИ» В СТРАНЕ АПСНЫ — ДУШИ АБХАЗИИ

из сел Сухумского района Найдорф и Гнатенберг выселяли немцев, проживающих там издавна, им разрешили забрать с собой все вещи и на сборы дали не два часа, как нам, а двое суток. В греческие дома, в которых оставался весь нажитый за долгие годы домашний скарб, были заселены семьи из западной Грузии. Какая доброжелательность по отношению к ним, и какая дикость по отношению к грекам, которых в песках далекого

и чуждого им Казахстана поселили в землянках без окон и дверей, без воды и света. Которым с большими детьми и стариками на руках вновь приходилось отстраивать свою жизнь, не имея никакой уверенности в том, что на этом их долгие испытания по выживанию закончатся.

Когда тронулся грузовик, увозивший нас в неизведанную даль, сестра со слезами на глазах кинулась за нами и умоляла взять с собой. Ей



Карта депортации народов СССР



было страшно оставаться одной с маленькими детьми, без близких родственников. Я попытался успокоить ее и убедил ее, что мы пока не знаем, куда нас везут, а как только что-то прояснится, сообщу ей. На вопрос офицера, какие у нас паспорта, я ответил, что паспорта у нас советские, и мы никогда не имели иностранных, то есть не были греческими поданными. Мой отец, Петр Бумбуриди, в 1921-1924 годах во время советизации Абхазии, был начальником милиции Михайловского района и начальником отдела по борьбе с бандитизмом. Когда во двор вошли представители власти и поинтересовались о причине задержки, офицер доложил о том, сто семья Бумбуриди не подлежит депортации, так как она советская. Ответ был однозначным: «В списке есть — значит подлежит». Таким образом, несмотря на достойную службу отца во внутренних органах, эти же органы выслали его и его семью. В пути следования, когда мы уже подъезжали к железнодорожной станции «Нижняя Эшера», расположенной за городом, офицер шепнул мне, что нашу семью описали как опасных людей и, что с нашей стороны могло быть вооруженное сопротивление.

Не знаю, найдутся ли слова, которыми можно описать весь тот ужас, царящий на платформе железнодорожной станции. Из закрытых товарных вагонов неслись отчаянные крики женщин и плач детей: «Помогите! Откройте двери! Мы задыхаемся!» Двери вагонов открывались только во время следования поезда, а при подъезде к населенному пункту их закрывали наглухо, чтобы население не видело, кого в них перевозят в мирное время.

В течение 15 дней нас морили голодом и жаждой, хотя обязаны были кормить, а детям выделять молоко или 5 рублей на каждого. Но мы не видели ни молока, ни денег. Нет ничего страшнее в жизни, когда родители видят умирающих детей, когда нет возможности их накормить, когда от нехватки элементарных медицинских средств, обрывается маленькая жизнь. Смерть пятилетней девочки была для нас первым потрясением. Она умерла от диспепсии. Похоронили ее недалеко от станции «Чили». Отец малышки своими руками сделал деревянный крест и написал ее имя — Елефтерия (Свобода). Долгое время мы не могли утешить убитую горем мать.

Но жизнь — есть жизнь. Мне приходилось принимать и роды во время пути. У первой роженицы были третьи роды, и все завершилось без

осложнений, а вторая молодая женщина рожала впервые, и я очень опасался за благополучный исход родов. Хорошо, что я смог прихватить с собой аптечку, где были лекарства, правда, в очень небольшом количестве. Обратившись к сопровождающему нас офицеру, я попросил отправить роженицу в какой-нибудь родильный дом. Ответ был лаконичным: «Не положено. Мы обязаны доставить вас всех по назначению». Я заметил ему, что и к животным вызывают врача. К счастью, роды завершились благополучно. Когда заболел отец четырех детей, Панай-

отис Фостиропулос, мне пришлось вновь обратиться к офицеру, что больного надо отправить в инфекционную больницу, так как он представляет опасность для окружающих. Мои слова приняли к сведению и поместили больного ... в последний вагон поезда, который держали как тюрьму для нарушителей порядка, где о лечении не могло быть и речи. Прибыв на место назначения, его отправили в больницу, где он и скончался от брюшного тифа. Четверо детей остались без отца.

«ПТИЧКА, ЧУЖАЯ НА ЧУЖБИНЕ, ГДЕ МНЕ ПРИСЕСТЬ, ЧТОБЫ НЕ ПРОПАСТЬ»...

Глубокая ночь. Мне не спится. Невеселые мысли о неизвестном будущем одолевают меня. Поезд стоит на какой-то маленькой станции, которая забита такими же вагонами. Иногда приходилось ждать по несколько часов, пока отправят. Вдруг, из соседнего эшелона я услышал печальную песню. Женщины на греческом языке печально пели: «Πουλιάκι ξένο ξενιτεμένο πουλί χαμένο που να σταθώ, Πού ν' ακουμπήσω να ξενυχτήσω, να ξενυχτήσω να μη χαθώ; » Эту песню еще мои сестры пели в юности. Я решил узнать, откуда эти женщины, и, ориентируясь на звук песни, вскоре нашел их. На мой вопрос откуда они, ответили, что из Батуми, — и в свою очередь спросили: «А вы откуда?» — Из Сухуми, — сказал я. — Куда вас везут, не знаете? — В ад земной, не видишь? — выкрикнул чей-то громкий голос.

Я вспомнил слова своего отца: «Каждая птичка поет на своем месте и в своем гнезде». На одной из стоянок женщина, не выдержав мучений, выпрыгнула из вагона и побежала в степь. Я узнал ее. Это была больная, которая стояла на учете в Сухумском психдиспансере. Раздались предупредительные выстрелы, но я успел выкрикнуть, чтобы не стреляли, объяснив, что она психически не здорова. Обессиленная, женщина упала в траву. Солдаты схватили ее, скрутили ей руки и затолкали в вагон — тюрьму, а она постоянно выкрикивала: «Фашисты, убийцы!».

Через 15 дней дорога в «никуда» закончилась. Нас выгрузили (именно выгрузили, как скот, а не высадили, как людей) на станции «Великая Алексеевка» (Южный Казахстан), откуда на грузовиках раз-

везли по разным колхозам. Моя семья попала в только что организованный колхоз «Инталы». С этого дня нашим домом стала маленькая землянка без окон и дверей. Не было света, не было чистой питьевой воды. Только арык, наполненный грязной, мутной, не пригодной к питью водой, которую нужно было отстаивать и кипятить. В селе находился маленький магазинчик. Там торговали водкой, чаем, сахаром и спичками. О хлебе и говорить не приходилось, его просто там не было. Магазином заведовал кузнец Иван Петрович, из бывших кулаков, высланный во время раскулачивания. Председатель колхоза, узнав, что среди прибывших имеется врач, обратился ко мне с просьбой посмотреть заболевших жену и тещу. На следующий день, в знак благодарности за лечение, он привез нам мясо, муку, простоквашу, которые моя семья разделила со всеми. Все мы, поселенцы, были из Сухуми. Этот город нас объединял.

ИРОНИЯ СУДЬБЫ ИЛИ СМЕХ СКВОЗЬ СЛЕЗЫ.

В одной из землянок поселилась семья Косараса. Как-то навестив его, увидел, что в «доме» имеется швейная машинка, приемник, уют и раскладушки. А стену украшали настенные часы. — Как тебе удалось все это провезти? — удивился я. — Ведь все вещи разрешалось взять только в мягкой упаковке? Когда я кинулся снимать часы со стенки, офицер крикнул: «Нельзя!». Беру швейную машинку — опять «нельзя», хочу прихватить раскладушку, тот же запрет. Тогда я, не долго думая, открыл окно и стал кричать: «Помогите, на помощь! Грабят!». Офицер оттолкнул меня от окна и со злостью сказал: «Бери с собой все, что хочешь, только молчи, не кричи!». И Косарас от души рассмеялся, как он ловко обвел вокруг пальца неумолимого стража порядка. Однажды к нам в колхоз привезли фильм «Падение Берлина». Фильм начинался и заканчивался Сталиным — «победитель», «отец всех народов», «корифей науки», «кормчий», «генералиссимус» и так далее. Хотя сегодня мы знаем, что у него и образования никакого-то не было, кроме незаконченной духовной семинарии. В конце фильма кадр, где на военном самолете Сталин прилетает в Берлин, там его встречает огромная масса людей, что-то выкрикивающая. Только в конце поняли, о чем выкрикивали, когда вышел один грек и крикнул: «Ζήτω ο Στάλιν μεγάλος φίλος του ελληνικού λαού!» (Да здравствует Сталин — великий друг греческого народа!) И смех и горе! После окончания сеанса подошел к двум молодым ребятам, которые привезли нам фильм. — Скажите, кто выбрал для нас этот фильм? — Мы, — ответили они, — чтобы вы увидели вашего «отца», который загнал вас в эти пески! Ответ был исчерпывающим.

КАПИТАН СЫРКАНОВ.

Как-то в колхоз приехал начальник отдела РОМВД по спецпереселенцам капитан Сырканов. Он пригласил меня и кузнеца Ивана Петровича к себе на разговор. О многом мы переговорили тогда. В беседе Сырканов заметил, что он по специальности инженер и не по своей воле пошел работать в органы МВД. На мое справедливое замечание, что моя нация ни в чем не виновата перед государством, ответил: «Я знаю это!» А Иван Петрович добавил: — Мы, русские, православные христиане, и веру свою получили от вас, греков. Мы люди одной культуры и одной веры. Мы обязаны друг перед другом и должны не разъединяться, а наоборот быть всегда вместе. В конце разговора Сырканов дал понять, что от всей души хочет нам помочь, но не может всем сразу, а для меня постарается добиться разрешения на прием к начальнику РОМВД майору Зеленину, чтобы объяснить наше бедственное положение.

Мы, понтийцы, благодарны всем, кто не отвернулся от нас в тяжелые для нашего народа годы и не побоялся подать нам руку помощи.

Продолжение следует